

УДК 316.346.32-053.6

КУКВА Елена Сергеевна –

к.соц.н., ученый секретарь НИИ комплексных проблем, Адыгейский государственный университет.
385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.

kukva@rambler.ru

ТЕНДЕНЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

TRENDS OF IDENTIFICATION PROCESSES OF NORTH CAUCASUS' YOUTH AND PROSPECTS OF NATIONAL CONSOLIDATION

В статье анализируются идентификационные процессы в среде молодого поколения. Идентификационные процессы исследуются, исходя из концепции многоуровневой идентичности. Представлены некоторые результаты эмпирического исследования молодежи Северного Кавказа. Ключевые позиции в идентификационном пространстве, наряду с традиционной этнической идентичностью, занимает российская национальная идентичность. Она рассматривается как реальная основа для консолидации общества как на общероссийском, так и на региональном, локальном уровнях. Доказывается гетерогенный характер идентификационного пространства молодежи Северного Кавказа. Рассматривается возможность управления процессом социально-духовной консолидации через «параметры порядка», обнаруженные в ходе исследования. Для разных этносов это может быть конфессиональная, этническая либо локальная идентичность.

Ключевые слова: национальная идентичность, многоуровневая идентичность, молодежь, Северный Кавказ, консолидация

The article analyzes identification processes among the younger generation. Identification processes are studied basing on the concept of multilevel identity. Some results of the empirical research of young people of the North Caucasus are presented. Key positions in identification space, along with traditional ethnic identity, are occupied by the Russian national identity. It is considered as a real basis for consolidation of society both on all-Russian, and at regional, local levels. Heterogeneous character of identification space of youth of the North Caucasus is proved. The possibility of managing social and spiritual consolidation through «order parameters», found in the study, is considered. For different ethnic groups it can be confessional, ethnic or local identity.

Keywords: national identity, multilevel identity, youth, North Caucasus, consolidation

Сложные противоречия в идентификации молодого поколения свидетельствуют о кризисе социокультурной идентичности молодежи, определенных социокультурных рисках. Базовыми характеристиками молодежи являются промежуточность, неполнота ее социального статуса, отсутствие универсальных моделей самоопределения и солидаризации, постоянная смена объектов идентификаций в условиях процесса становления. Эти параметры влекут неустойчивость

ценностно-мировоззренческих установок, размытость духовных ориентиров, усиливается фрагментарность и мозаичность идентичностей, краткосрочность и сиюминутность существующих солидарностей, формирующие новую модель поведения, социальность нового типа.

Одним из методологических оснований в решении проблемы поиска консолидационного ресурса для российского общества является анализ молодежи как открытой социальной (под)системы. В рамках концепции социального раз-

вития молодежи (В. Чупров, Ю. Зубок) одной из функций молодежи, помимо воспроизводства социальной структуры, социального опыта, выступает инновационная функция, связанная с совершенствованием этой структуры и опыта (новаторство). Новаторство видится нами как параметр, характеризующий открытость данной системы. Оно реализуется в т.ч. через новые идентификации, характерные для каждого нового поколения молодежи, прирастающие количественно и преобразуемые качественно. Так, например, более взрослая когорта в поколении молодых имела и имеет принципиально иной формат национальной идентичности. Социализация нынешних молодых людей 26–29 лет не была «обременена» советской идентичностью, с одной стороны, с другой — протекала в период отсутствия национальных, гражданских ориентиров. Новый опыт понимания Родины, идентификации с ней не удался у всего российского общества, и у детей того времени (1990-х гг.) не было достойных образцов. Это проявляется в особенностях манифестации национальной идентичности этой когортой в сегодняшние дни.

Исследователи утверждают, что в «недалекой перспективе, если не будут предприняты энергичные и эффективные шаги по развитию и укреплению общероссийской идентичности, вероятно дальнейшее обострение кризиса идентичности и, как следствие, потеря нравственных и ценностных ориентиров у молодежи и других слоев общества. Для того чтобы предотвратить подобное развитие событий, способное привести российское общество и государство к распаду, необходима целенаправленная и последовательная государственная политика, предусматривающая разумное сочетание этнического и общероссийского компонентов идентичности, формирование у жителей России, прежде всего у молодежи, чувства принадлежности к единому обществу и государству» [Семеновко и др. 2010: 51].

Неоднократно отмечено, что по результатам социологических исследований национальная идентичность в последние годы заметно актуализировалась. Северный Кавказ — не исключение. В ряде субъектов РФ отмеча-

ются высокие показатели гражданской идентичности молодежи. При этом традиционно в данном регионе очень высок уровень этнической идентичности. Конкурируя в цифрах, данные виды идентичностей не конкурируют в идентификационном пространстве. Напротив, исследователи отмечают, что некоторые виды социальной идентичности одинаково часто проявляют себя в социальном взаимодействии. С одной стороны, это свидетельствует об определенном типе самосознания (например, выделяя столичный тип самосознания с актуализацией большого числа идентичностей разного рода). Одним из условий его формирования становится высокий уровень удовлетворенности жизнью [Российская идентичность... 2009: 74]. С другой — подобная «идентификационная активность» предопределяет возможность управления идентификационным пространством региона.

Очевидно, что формирование и состояние национальной идентичности напрямую зависит от развития экономической и социальной сфер общества, степени социального благополучия. Как отмечает С. Перегудов, «неопределенность общегражданской идентичности во многом проистекает отнюдь не только из ее “молодости” и незрелости, но из самих современных реалий экономической и социальной действительности» [Перегудов 2011: 147]. Добавим, что для нынешнего поколения россиян процесс формирования национальной идентичности не сводится именно к формированию, конструированию нового вида идентичности. Для тех, кто имеет советский социокультурный опыт, — это, прежде всего, переосмысление старой советской идентичности. Появлению же новых идентификационных практик способствовала смена объекта идентификации — российской нации, сформированность которой все еще не столь очевидна в силу ряда причин (например, вследствие отсутствия национальной идеи, общих ценностей, низкой степени консолидации и пр.). То есть, проблема кризиса идентичности заключается не в отсутствии потребности и возможности идентификации с общностью больших масштабов и артикуляции «первичных» идентичностей,

а в отсутствии четких представлений, какова она, наша нация.

Большинство государств нового времени укреплялись по мере и за счет ослабления общинных отношений, стремились монополизировать и структурировать социальные связи в форме гражданства [Филиппова 2010]. Российское идентификационное пространство в силу его полиэтничности наполнено традиционными связями (родовыми, этническими) в большей степени, нежели современные государства-нации. И гражданские связи не вытесняют, а накладываются, пронизывают их. В. Тишков отмечает: «Российскость как идентичность и российский народ-нация — не результат внутренней унификации, а естественное наложение на множество внутренних этнокультурных различий, которое существует среди населения страны. Россияне — это свершившийся факт» [Тишков 2013: 308]. Потенциал сформированной устойчивой национально-государственной идентичности представляется нам очень значительным. Она позволит успешно идентифицироваться во многих социокультурных пространствах: от личного, группового — этнического, конфессионального до территориального — локального, регионального, национального, а также цивилизационного.

В целях выявления особенностей идентификационных процессов в среде молодежи Северного Кавказа проведено самостоятельное эмпирическое исследование ($N = 640$, исследованием были охвачены молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет, представители 6 регионов: республик Адыгея, Кабардино-Балкария, Чечня, Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской обл.). Идентификационные процессы региона обладают следующими ключевыми характеристиками.

1. *Высокий уровень этнической солидаризации.* В целом весь массив опрошенных молодых людей демонстрирует наиболее значимую ориентацию на этническую идентичность, что продолжает отличать исследуемый регион от общероссийской картины. Однако в актуализированном состоянии с близкими значениями находятся локальные идентичности (общность с городским, сельским сообществом, земляками), идентифика-

ция по интересам (общность с людьми тех же взглядов на жизнь). Российская идентичность уступает по популярности названным предпочтениям, но значимо востребована. Эти тенденции обнаружены во всех исследуемых субъектах, русскоязычные регионы характеризуются также достаточно высокими значениями этнической идентичности, ее преобладанием.

2. *В структуре молодежного идентификационного пространства существуют возрастные особенности.* Обнаружено снижение степени идентификации с гражданами России в наиболее старших и наиболее молодых когортах. Самые высокие показатели солидаризации с этой общностью обнаружены у 18–25-летних. Объяснение можно найти, исходя из факта, что гражданская идентичность является результатом целенаправленной воспитательной деятельности общества и государства, в отличие от этнической идентичности, которая формируется в процессе социализации и носит аскриптивный, примордиальный характер. Таким образом, можно предположить, что самые молодые (15–18-летние) недостаточно испытали на себе это воспитательное воздействие. Старшая группа — молодые люди, как правило, определившиеся с жизненными ориентирами и, скорее всего, недополучившие должный патриотический заряд со стороны государства.

3. *Эмоциональное восприятие национальной (гражданской) идентичности у молодежи в целом позитивно.* Однако оно более слабо выражено у молодежи в республиках (кроме Адыгеи), где число испытывающих чувство отстраненности и отчуждения, обиды и унижения от ощущения того, что они — россияне приближается к 20% (наибольшее число — в Кабардино-Балкарии). В целом по массиву позитивное эмоциональное восприятие гражданской идентичности, складывающееся из чувства гордости за страну, достоинства, сопричастности, характерно для респондентов 15–25-летнего возраста. Сегмент молодежи самого старшего возраста показывает несколько больший негатив, связанный с чувствами отчуждения и отстраненности (15,5%) и обиды и унижения (9,9%).

4. *Отмечена тенденция низкой востребованности солидаризации с какими бы то*

ни было группами. Этим подтверждается положение об индивидуализации и атомизации нынешнего молодого поколения и общества в целом. Исследователи отмечают, что «в современную молодежную среду входит модель индивидуалистического утилитарного сознания, общество формирует социально активную и даже прагматически успешную, но при этом морально индифферентную личность» [Фомченкова 2012: 123]. В наибольшей степени эту тенденцию продемонстрировала молодежь Чечни. Среди них самое большое число людей, не ощущающих близость с большинством предложенных общностей.

5. Ни по одному этносу в исследованных регионах не были получены однотипные конфигурации многоуровневых идентичностей. Указанная гетерогенность идентификационного пространства Северного Кавказа отражает нелинейность идентификационных процессов.

К анализу идентификационного пространства на Северном Кавказе применяется концепция многоуровневой идентичности, структура которой выражена несколькими уровнями: этническим, региональным, национальным, цивилизационным, между которыми существуют отношения зависимости. Концепция отстаивает их возможность взаимно дополнять друг друга, сосуществовать, иметь те или иные их уровни в разной степени актуализации в зависимости от социального контекста.

Диагностируется также идентификационное пространство функционирования многоуровневой идентичности в разных регионах северокавказского общества. Как уже было отмечено, однотипные конфигурации многоуровневых идентичностей не были получены в исследованных регионах ни по одному этносу. Ранговые распределения показали различные иерархии идентичностей у основных исследованных этносов. Иерархии (ранжированные в соответствии с приоритетом) представлены следующим образом: у адыгейцев — российская национальная, республиканская, северокавказская, этническая идентичности; у балкарцев — этническая/национальная, республиканская, северокавказская идентичности; у кабардинцев — северокавказская, национальная, этническая, космопо-

литичная; у русских — национальная, этническая, республиканская, космополитичная; у чеченцев — этническая, республиканская, национальная, космополитичная/северокавказская идентичности

Анализ конфигураций идентичностей северокавказских этносов позволяет не согласиться с исследователями, подчеркивающими конкурирующий характер этнической и национальной идентичностей на Северном Кавказе, отмечающими противостояние локальных характеристик идентичности общероссийским [Авксентьев, Аксюмов 2010; Вшивцева 2013]. Ранговые распределения идентичностей продемонстрировали такой тип самоорганизации в среде молодежи, при котором все базовые составляющие российской идентичности находятся в отношениях сложности и нелинейности — этническая, региональная (северокавказская и республиканская/краевая/областная), космополитичная и религиозная формы идентичности.

Установлено, что «параметрами порядка» идентификационного пространства молодежи полиэтничного региона, необходимыми для выявления и актуализации консолидационного ресурса идентификационных процессов, имеют возможность стать:

— *этноконфессиональная идентичность*. Так, например, чеченская молодежь демонстрирует наивысшую по региону солидаризацию с людьми своего вероисповедания. Религиозная идентичность в идентификационных процессах этого региона в значительной степени может стать параметром порядка, через который возможно «мягкое управление» всем идентификационным пространством, укрепление всей структуры многоуровневой идентичности. Это позволит выйти на усиление ее национальной составляющей и, как следствие, инициировать консолидационную тенденцию;

— *локальная идентичность*. В Кабардино-Балкарии у кабардинской молодежи была обнаружена значительная актуализация северокавказского регионального уровня, что в принципе не характерно для других исследованных этносов. Работа с направлением этого уровня в необходимое для целей консо-

лидации русло должна также интегрировать молодежь республики и транслировать ее консолидационный ресурс на общенациональный уровень. Усиление значения малой родины, актуализация региональной северокавказской идентичности могут стать особенно эффективными для сплочения разнородных общностей и идентичностей поверх разделяющих барьеров.

Данные исследования отражают уровень процессов самоорганизации в идентификационном пространстве региона. Его сложность и нелинейность есть ответ на социальную нестабильность, в результате чего молодежь конструирует

собственные модели социокультурного пространства. В таких условиях одним из нежелательных эффектов, наблюдаемых в этой подсистеме, становится эффект «негативной консолидации» (участие в этнонационалистических организациях, криминальных сообществах). Преодолению этих тенденций должно способствовать осознание необходимости интеграции, консолидации и самоорганизации в преодолении коллективных и индивидуальных проблем молодежи.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 12-06-31146 мол_а.

Литература

Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. 2010. Портфель идентичностей молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора. — *Социс*, № 12. С. 18-27.

Вшивцева Л.Н. 2013. Культурно-цивилизационная самоидентификация народов Северного Кавказа в контексте модернизации. — *Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности*: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г. (отв. ред. Г.Г. Матишов). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН. С. 170–174.

Перегудов С.П. 2011. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства. — *Полис*, № 3. С. 141–163.

Российская идентичность в Москве и регионах (отв. ред. Л.М. Дробижева). 2009. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 268 с.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. 2010. Идентичность в системе координат мирового развития. — *Полис*, № 3. С. 40–59.

Тишков В.А. 2013. *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. М.: Наука, 649 с.

Филиппова Е. 2010. *Территории коллективной идентичности в современном французском дискурсе*: автореф. дис. ... д.и.н. — М., 54 с.

Фомченкова Г.А. 2012. Трансформация ценностных ориентаций молодежи: межпоколенческое сопоставление. — *Власть*, № 12. С. 119–123.